
Яна Алимова
Горечь полыни
Рассказы о войне
О любви, потере,
ожидании и вере

Яна Алимова
Горечь полыни

https://litres.ru/74896538
SelfPub; 2026

Аннотация

Война оставляет не только разрушенные дома, опустевшие деревни и могилы без имен. Она оставляет горечь в сердцах тех, кто ждал, провожал, надеялся и верил, что однажды любимый человек переступит порог родного дома.

В этом сборнике — короткие истории о людях, чьи судьбы опалила война. О женщинах, провожавших мужей и любимых на фронт, о тех, кто дождался возвращения, и о тех, кто до последнего надеялся на чудо. О стариках, ждавших своих сыновей, о материнских слезах, о письмах, которые становились единственной связью с родным человеком, и о похоронках, навсегда разделивших жизнь на до и после.

Это рассказы о любви, верности, потерях, мужестве и человеческом достоинстве, о простых людях, на долю которых выпали страшные испытания, но они продолжали жить, любить, ждать, надеяться.

Даже в самые горькие времена человеческое сердце способно сохранить тепло.

И, может быть, именно горечь полыни напоминает нам о цене мира, о тех, кого мы потеряли, и о том, как важно помнить.

Содержание

Чужая 5
Часть 1 5
Часть 2 13
Желтое пальто 24
Часть 1 25
Часть 2 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Яна Алимова
Горечь полыни

Оглавление
Чужая 2
Часть 1 2
Часть 2 5
Желтое пальто 11
Часть 1 12
Часть 2 13
Пятнышко мое 17
Горечь полыни 23
Догорай свеча 27
Дождалась 32
Последнее письмо 38
Жизнь всегда продолжается 43
Однокашники 51
Когда пустует душа 55

Чужая

Часть 1

Бабка Настасья, кряхтя и тихонько матерясь, хлюпала худыми ботинками по чавкающей грязи. Вдруг остановилась и подслеповатыми глазами уставилась вдаль.

«Либошто сынок мой? — спросила сама у себя, приметив высокую ладную фигуру. — А кто жа енто с им?»

Сердце бабки Настасьи бешено заколотилось, и ей даже почудилось, что оно стало спрашивать: «Хто, хто, хто, хто?»

— Вродя как баба с им! — ответила сердцу бабка вслух.

Увидев мать еще издалека, Степан сказал своей спутнице, широко улыбнувшись:

— Вон она, моя старушка! Эх, и наскучалси жа я за ею.

Женщина предано посмотрела на него и кивнула.

— Мать моя! — пояснил Степан.

Женщина вновь кивнула. Поняла, мол.

Степан подхватил на руки малюсенькую девчонку, которую до сей поры женщина держала за ручку.

— Гляди, Ульянка! Вот тебе и бабка. Она, знашь, какая добрыя у мене! А пироги печеть? М-м-м! Нихто так ня пячеть у деревне! А затируху? А сала насолить? А капустки хрустявой? Любо-дорого! Глядь, Ульяшка, на наш простор!

Ах, красота какая!

Женщина тоже тоскливо посмотрела вокруг, но ничего, кроме грязи, черных палок кустов, хмурого неба, не увидела.

— И ты, Людка, гляди! Жить нам тута таперича. Маманя! — зычно крикнул Степан. — Я это! Сын ваш! Явилси, маманя! Тута я!

Старушка встрепенулась, забеспокоилась еще сильнее.

«Да как жа енто? Лет пять, однако! Да откуда ж?!»

Страшная догадка закрутилась в мозгах у бабки, пронзая так, что на глазах выступили слезы. «Чужая!»

Степан большими шагами ринулся к матери, она тоже хотела к сыну навстречу, да пошатнулась, не удержалась и с высоты своего немаленького роста — Степан был ростом в нее — бухнулась в жидкую грязь.

— Маманя, чевой вы? Маманя!

Степан заорал испуганно, осторожно поставил девчушку на землю, с трудом отыскав более-менее сухой островок, и рванул к матери.

Подбежав, поднял, обнял:

— Маманя, маманя моя! Как вы? Не ушиблисся?

— Степушка, санок мой, соколенок! Прилетел! А я давеча во сне тебе видала. Идешь ты к мене, а никак дойти ня можешь. А тута и батька покойнай твой, царствия яму нябесныя, откудава ня возьмись, нать вам, вот он я! И мне грит: слышь-ко, Наська, пущай мене Степка подсобить! Дялов нынча по шею, а ты заграбастала сына-то! Ой, Степушка,

как мене тревожно-то стало! Кажный ден за околицу хожу! Ня ошиблася я! Точно, вот он ты! А енто кто жа с тобою-то будять?

Тем временем Люда подошла к своей дочке Ульяне, обняла ее и тревожно смотрела на бабку.

— А енто, маманя, жена моя, Людка, и дочка — Ульянка. Подмогу вам, маманя, привез. Вы вона чевой-то падаете ажна от старости! Енто жа скока вама годов, маманя? Вы жа ня старыя ешшо совсема? А? Иль старыя?

— Писят восем мене нынча стукнуло, Степа! Нешто ня помняшь?

Степан присвистнул. Забыл, мол.

— Ну што, маманя! Будям знакомиться! Айда у хату. Чего тута стоять, рот проветривать?

Степа еще раз оглянулся вокруг и радостно засмеялся.

«Да что ж ему так нравится смотреть на это уныние?» — еще раз удивилась Людмила.

Была она городской, деревню никогда не видела, даже на картинках, потому что картинок особо не было. Мать — прачка, отец — рабочий на заводе. Окончила четыре класса, и хватит. Ступай-ка для семьи поработай. Вишь, как отец с матерью ломаются. Потому что, кроме Люды, еще в доме семь ртов. Да и домом ту каморку назвать было сложно. Пол земляной, стены мазанные, вдоль них полати — отец сколотил. Колченогий огромный стол, две скамьи. Вот и все добро.

А барский дом — загляденье. Люда даже рада была, что ее

туда отдали, в дом этот. Прислуживала она няньке. Служанка для няньки. Да и нянька какая-то не такая. Тоже, будто барыня — в длинном черном шелковом платье с белым воротничком, красивые блестящие волосы уложены в высокую замысловатую прическу, ботинки на шнуровке и на каблуках, кольцо на пальце с каменьями. С этими ботинками смех вышел! У няньки ножка маленькая, почти как у Люды. Вот и решила Люсенька, так сразу ее стала звать нянька, примерить. Примерить-то примерила, а вот на каблуках никогда не ходила. Все больше босиком «чертей гоняла», как говаривал отец. А потому маленькая непривычная к каблучкам ножка подвернулась, и Люда упала. Няня, звали ее тоже странно — Марта, выскочила, а увидев рассевшуюся Люсю на полу, спросила:

— Чего ты? Упала, что ли?

Люся кивнула и быстро прикрыла свои ноги длинным подолом, да поздно: Марта увидела свои ботинки на ее ногах.

Люся вся сжалась, готовая к ругани, скандалу или даже удару. Но ничего этого не последовало. Марта расхохоталась, подняла девчушку с пола и сказала тихо:

— Обещаю, что научу тебя ходить на каблуках. Знаешь зачем?

Люся, все еще не отпустившая страх, покачала головой.

— Сейчас!

Няньку как ветром сдуло. Появилась она через пару минут, держа в руках кружевной розовый ларец необыкновен-

ной красоты.

Люся забыла дышать.

— Вот, смотри!

Нянька открыла его, а там… красота невиданная. Туфельки розовые шелковые с розочками и листочками, да с бусинками по краю.

— Ошиблась я с размером, — грустно проговорила Марта, — а тебе в самую пору будут. Мои ж велики тебе слегка?

Люся стояла ни жива ни мертва. Кивнула.

— Дарю! Они теперь твои. Будем тренироваться ходить на каблучках.

Люда посмотрела на свое простое платье, сшитое из грубой холстины, и расплакалась.

— Какие мне каблучки?!

Но Марта обняла девчушку, прижала к себе и прошептала:

— Я тебе и платьице сошью. Обещаю. У меня есть мое, я его не ношу: чуть маловато, — вот из него и сошью. Только здесь в нем будешь ходить, ладно? Домой не возьмешь.

Люда тогда не поверила Марте, еще никто никогда не был так добр к ней. Вечно беременная и вечно злая мать была всегда недовольна дочкой. Она навешивала на нее заботу за заботой, дело за делом, забывая о том, что Люде всего-то одиннадцать лет…

Но Марта не обманула, через несколько дней она позвала Люду в свою комнату и радостно предъявила ей платьице.

У девочки от счастья перехватило дыхание: так наряд был хорош!

…Тем временем Степан, обняв мать и будто бы забыв о тех, кого привел, шел по дороге и свободной рукой бурно жестикулировал, что-то рассказывая матери. Та иногда кивала и все чаще повторяла:

— Степанка мой! Степушка!

Когда вошли в хату, то Люда и Ульяна прижались к стене, не зная снимать ли обувь, проходить ли в одежде, или оставлять где-то здесь.

Бабка Настасья недовольно зыркнула на непрошеных и неугодных ей гостей и процедила сквозь зубы:

— Чевой встали? А ну давайте у хату, раз пришли.

И она легонько подтолкнула Люду. Та будто выпала из своего тяжелого забытья и принялась снимать пальто.

— Девчонку свою спЕрва раздень! Употееть уся! — скрипнула бабка, недовольно зыркнув на невестку. — Наро-жають, а ума-то нема!

Она прошла в комнату и принялась хлопотать.

— Санок, а у меня как раз и выпить имеется! Я как чуя-ла, вчерась к Макарьевне дошла и у яе взЯла. Вона, глянь, стоить в углу.

Степан равнодушно глянул на бутыль в углу:

— Маманя, да вы жа знаете, не увлекаюся я энтим.

— Знаю, знаю, соколенок мой! Как ня знать! Ты жа мой робятенок!

Тут вдруг Степан словно отряхнулся от причитаний матери и обратил внимание на жену и падчерицу:

— А вы чево там? А ну давайте сюды! Айдате! Ульяша, иди ко мне, воробушек мой!

Лицо девчушки озарила ясная улыбка, и она с удовольствием забралась на руки к отчиму.

Именно в этот миг сердце бабки Настасьи чуть оттаяло. Потом она будет вспоминать именно этот момент, как девчушка с удовольствием и с улыбкой кинулась к ее любимому сыну.

А пока она снисходительно посмотрела на мать девчонки и спросила:

— Умешь чевой по хозяйству, али так?

— В городе все могла, что требовалось, а здесь — покажете, так тоже, наверное, смогу.

Бабка кивнула, хмыкнула, но без особого желания хмыкать, на всякий случай, для порядку. Краем глаза она подглядывала за сыном, а он ворковал с девочкой. Вдруг встрепенулся:

— Люда, я ж вас ня познакомил. Энто моя мамка Настасья, а значат, и тебе маманя, а тебе — бабка таперича! Да, Ульяшка?

Степан с любовью посмотрел на девчушку. Она горячо его обняла и что-то зашептала на ухо. Он еще крепче обнял и улыбнулся. Это не ускользнуло от бабки Настасьи, на сердце у нее снова потеплело, она горделиво подумала: «О как! Чу-

жая девчонка люблит моева сыночка, соколенка моева!»

Часть 2

Так и стали жить — вчетвером. Бабка делала вид, что Люды и Ульяны не существует. Это было трудно, но у нее получалось.

— Сынок, вечерять айда! — звала она.

Степан укоризненно смотрел на мать и звал жену с дочкой:

— Люда, Ульяша! Айдате, каша уж простыла ожидаючи. Маманя знатную сварила.

Степан пошел на работу в промысловую артель, с детства он любил ловить рыбу. Отец его, Никанор, был знатный рыбак, всему обучил своего единственного сына. Настасья так больше и не затяжелела.

…Люде было тягостно находиться в одном пространстве со свекровью, хотя та ничего плохого не делала и не говорила. Добродушная Ульяша несколько раз пыталась приласкаться к бабке, но та осторожно отстраняла от себя девочку. Так и жили: равнодушие цвело в хате буйным цветом. Бабка не орала, не ругалась, не строила козней. А Люда не пыталась наладить отношения, она понимала, что это совершенно бесполезно.

Когда-то Марта, которая многому ее научила и искренне любила, сказала:

— Никогда не проси любви, все равно не выпросишь. Лю-

бовь не просят, ее притягивают. Если есть у тебя внутри магнитик, он притянет, а если нет, то… нет.

— А может магнитик появиться? — спросила тогда Люда.

— Может! — уверенно сказала Марта. — Мгновенно может появиться. Впрочем, так же как и исчезнуть.

****

…1941 год пришел в деревню нагло, как разбойник. Он заглянул в каждый дом и разорил его.

В хате бабки Настасьи забрал и сына, и невестку. Степан ушел добровольцем. Мать орала:

— Пошто, пошто сам-то? Нешто ня можашь дождаться, када позовут. А можат, и ня позвали ба! А? Степушка, санок!

— Нет, мать, пойду я! Ня можно сидеть и врага-гада дожидаться. Дык и ня один я: Лешка Пантелеев, Мишка Востриков, Демьян худой…

— Ой горя жа какоя! — заорала, запричитала Настасья, еще не вполне понимая, что пришла в ее дом тоска, беда, смерть…

Бабка хорошо помнила, как муж Никанор Евграфович уходил на войну, ну так вернулся же! Живой и невредимый!

«И санок вернется!» — уверенно успокаивала себя бабка.

Люда не плакала, не причитала и даже не обнимала мужа, а почему-то прижимала к себе маленькую Ульянку, будто это она, а не Степа, уходила на фронт.

— Девочка моя, миленькая, хорошая, как же я без тебя?!

*****

…С Мартой было хорошо: спокойно, весело, сытно. Женщина подкармливала Люду в своей комнате сладостями и вкусностями с барского стола.

— Ешь, ешь, Люсенька! На всю жизнь не наешься, а вот воспоминания можно на всю жизнь сберечь…

Когда расставались — Люсю срочным образом уволили, она подросла, и на нее стал обращать внимание хозяйский сын — Марта обнимала ее, плакала и говорила:

— Девочка, моя миленькая, хорошая, как же я без тебя?

****

…Люда ушла на фронт вслед за мужем. Рано утром третьего дня она тронула бабку Настасью за плечо и проговорила:

— Любить не прошу. Знаю — не любите.

А мысленно прибавила: «Нет у нас с Ульяшей магнита для вас, а у вас — для нас!»

— Но хоть кормите да лечите, коль заболеет. Прошу…

— Куды ж ты? — ахнула бабка.

— За Степой! Не могу я без него. С ума сойду!

Глаза бедной женщины загорелись бешеным огнем:

— Не мила жизнь без него! Поймите…

Сказала и быстро ушла.

Бабка Настасья подскочила с кровати и простоволосая, в белой рубашке, босиком выскочила на улицу, крикнула протяжно:

— Людка-а-а!

Люда оглянулась: глаза двух женщин, матери и жены, любящих одного мужчину, сына и мужа, встретились на секунду. Бабка застыла и не ринулась дальше, а Люся кивнула и ушла… навсегда.

Бабка потом все время вспоминала этот момент и корила себя: почему не обняла, почему не приласкала, почему отпусти-и-и-ла-а-а!

Но это позже, много позже! А в тот день она зашла в хату и посмотрела на Ульянку, та спала, свернувшись калачиком и подложив ладошку под щечку.

Бабка Настасья закрыла рот рукой и беззвучно заплакала, затряслась, вышла во двор, чтобы не разбудить девчонку… и там дала волю своим чувствам, завыла, запричитала…

С того дня все изменилось в отношениях Ульяши и бабки Настасьи.

Бабка стала совсем другой: она приглядывала за девочкой, стряпала и кормила, заплетала тоненькие косички — мышиные хвостики, много с ней говорила

Неожиданно она вдруг поймала себя на мысли, что любит эту девчушку, и ей даже стало казаться, что она ее родная внучка.

— Кажи, Ульяшка, а ты батьку свово шибко любишь? — спрашивала она иногда.

— О как люблю! — девчонка подбегала к Настасье, крепко обнимала ее и жарко целовала в худую щеку, а потом шептала на ухо: — И тебя люблю, бабусечка моя родненькая!

Бабка млела, но не подавала виду, а строго продолжала допрос. «А хто ж яво знат, можат, про своно рОднова батьку грит мене».

— Кажи мене, а как жа кличуть батьку твоно?

— Так Степаном! — улыбалась девочка. — Неужто забыла ты, бабуля, как сына своего назвала?

Смеялась и бежала прочь.

— Ах ты ж, бесовская твоя душа!

— беззлобно ругалась старуха, а душа ее пела и ликовала.

«От какой мой санок! Чужая девчонка батькой кличеть и любить как роднова!»

…От Степана не было ни одного письма, а от Люды — одно. Да кто ж прочитает?

Бабка Настасья надела самый красивый платок, достав его из тяжеленного кованого сундука, своего приданого. Ульянке тоже повязала синюю косынку.

Дочка Марфы Синявиной Даша умела читать, она в городе в училище училась, а как началась война, приехала домой, поддержать мать: отец и старший брат погибли в первые дни войны.

— Дашка, письмо нам с Ульяшкой пришло от мамки явонной, невески моей. Прочти, сделай уж милость нам.

Бабка положила на выскобленный стол два куска сахара.

Худенькая Даша с огромными глазами на бледном лице кивнула, глянула на сахар, бросила коротко:

— Заберите. Пусть Ульяшке будет.

И развернула желтый листок, с осторожностью пробежала глазами по первым строкам. Поняв, что это хорошее письмо, принялась громко и радостно читать.

Бабка Настасья постеснялась да и не захотела снять свой красивый платок, но с девчушки сняла и пригладила и без того гладкие волосики.

— Здравствуйте, мои дорогие баба Настасья и доченька Ульяна. Как вы там? Как живете? Я очень скучаю. Нет и дня, чтобы я не думала о тебе, моя доченька, мой цветочек. Не присылал ли папка письма? Я очень за него беспокоюсь!

У меня все хорошо, за меня не думайте, не волнуйтесь.

До свидания, скоро увидимся, даст Бог.

Баба Настасья, спасибо вам большое за доченьку. Очень верю, что ей с вами хорошо.

— Мамочка, — Ульяша вдруг прижала руки к груди и проговорила:

— Мне хорошо с бабушкой. Ты не бойся за меня. Да только я по тебе сильно скучаю. Ты приезжай быстрее, мамочка!

Девочка расплакалась, бабка принялась ее утешать, но Ульяша никак не успокаивалась.

— Ах ты жа незадача! — сокрушалась бабка. — Думала, как лучша, а оно вона чавой. Ай-я-яй!

Домой бабка принесла Ульяну на руках и все причитала:

— А хошь, яишенку прямо щас изжарю тебе? А хлебушка? Может, сахарку? Вот он жа, Дашка мене назад у карман сунула.

Но девочка только качала головкой и плакала лишь горше.

«Никаких писем больша!» — решила старушка, но их и не было: ни от сына, ни от невестки. Хотя и похоронок тоже не пришло…

…Немцы в деревне не стояли, но голодно было сильно. Хлеба долго не ели вообще. Чем питались — один Бог ведает, но выжили, и то хорошо!

Степана и Люду ждали все время: и год спустя после победы, и два, и три, и пять. В пятидесятом году бабка сказала Ульяне, взрослой девочке, почти девушке, шибко похожей на мать:

— Ульяша, в город тебе надо бы!

Учиться дальше. Ну што наша школа? — бабка махнула рукой. — Ехай, милмоя, выучись, а потома вертайся, а я тебе ждать стану.

— А вдруг мама или папка придут?

Бабка схватилась за сердце:

— Так и хорошо!

Увидев движение Настасьи рукой к сердцу, девушка забеспокоилась:

— Бабуль, чего? Плохо тебе?

— Нет, нет, — сглотнув, сказала бабка. — Все ладно со мной.

— Не поеду никуда. Ты как тут одна, без меня? А? Нет, и не проси! Даже не думай.

— Ульяшенька, внученька. Ну чевой ты коровам хвоста

крутить станешь? А учителка мене сказывала, што умная ты шибка, и учиться дальша нада.

Но Ульяна лишь качала головой.

…Так прошло еще два года, и все-таки Ульяне пришлось уехать в город, председатель колхоза настоял. Как-то он пришел в дом Настасьи летним вечером.

Уж бабка и не знала, куда посадить припозднившегося важного гостя:

— Улька, самовар ставь! — распорядилась она. — Ох ты жа, квашня, квашня, надо бы вчерась. Чичас пироги ба были.

— Да не суетись ты, бабка Настасья. Я к тебе с разговором про Ульяну.

— Чевой? — села бабка. — Чевой случилоси? — и снова руку к груди левой потянула.

— Петр Сергеевич, ну что ж вы? — укорила Ульяна. — Бабушке нельзя волноваться, сердце у нее.

— Да я хорошее… — тоже заволновался председатель. — Бабка Настя, учиться внучке твоей надо, я направление дам в город на зоотехника.

Бабка оживилась:

— А я чевой ишшо давеча ей говорила? Таки вредная жа она, настырная, упрямая какая. Нет, и усе! Вот и сидить тута со мной.

— Ну бабуля! — засмущалась Ульяна.

— Чевой бабуля? Чевой? А ну давай чумадан собирай. Када ехать ей, Сергеевич?

— Так к сентябрю, — обрадовался председатель перспективе того, что через пару лет будет у них собственный зоотехник.

****

…В ту ночь бабка спала плохо, ей снова снился Никанор, а рядом с ним Степан и Люда. Ей часто снился этот сон, и Настасья понимала, что сына и невестки нет в живых, но никогда она не рассказывала об этом Ульяше. Девочка верила в то, что мать с отцом живы. С годами она совсем забыла, что Степан не был ей родным отцом, а значит и бабка — не родная.

В этот раз во сне Настасья увидела и Ульяшу, а Степан сказал:

— Мать, ты бы к нам Ульяну отправила-то?

Бабка проснулась в холодном поту и вспомнила тот сон, много лет назад, когда Никанор попросил отправить к нему сына… и вот он с ним.

Тут же ночью упала Настасья перед образами и стала истово просить Богородицу:

— Меня, меня возьми. Старая я. Не надо Ульянку, не надо. Меня, меня, старую…

Вечером следующего дня бабка вышла за околицу и до боли в глазах всматривалась вдаль.

Все повторялось снова. Все повторялось!

Фигуру внучки она увидела издалека. Она шла, ведя за ручку маленького мальчишку.

Сердце бабки Настасьи, как и тогда, бешено заколотилось, и ей даже почудилось, что оно снова стало спрашивать: «Хто, хто, хто, хто?»

«Вродя как пацанчик? Откудава?»

Хотелось бежать навстречу, но сердце не пускало.

Ульяшке тоже хотелось бежать, но тогда надо взять мальчишку на руки… а нельзя.

— Бабуль, это я, Ульяна, внучка твоя, — зычно крикнула Ульяна. — Я это! Внучка твоя! Явилась, бабуля. Тута я!

— Вижу, Ульяша, — закричала в ответ Настасья. — А хто енто с тобою, такой ладненький?

«Однако, лет пять, — подумала бабка и ахнула: — Чужой!»

— А это сынок мой, — крикнула Ульяна. — Егорка.

Молодая женщина кинулась в объятия Настасьи, мальчишка остался стоять чуть поодаль.

— Бабуль, я замуж вышла, это сынок его. Мать его умерла. Бабуль, а бабуль, к майским я еще одного рожу. А на работу выходить надо. Бабуль, поглядишь за обоими, а, бабуль?

— Дак где ж муж твой? — строго спросила бабка. — Аль врешь?

— Нет, бабуль, не вру. Приедет на днях. Дела уладит и приедет.

— Папка мой приедет, — тихонько проговорил мальчик. — Не врем мы!

— Бабуль, поможешь с ребятами? — тревожно переспро-

сила Ульяна.

Бабка кивнула и приложила руку к сердцу.

— Бабуль, плохо тебе? Ты чего? — перепугалась Ульяна.

— Нет, Ульянка, мне хорошо!

Ох, как хорошо! — сказала вслух, а мысленно добавила: «только б не было войны!»

Ночью ей снова снился сон.

Никанор, Степан и Люда улыбались:

— Сами мы тут, мать, справимся, — пробасил Никанор Евграфович. — А ты тама давай, внучке нашей помогай с робятами.

Желтое пальто

Посвящаю 82-й годовщине снятия блокады.

Часть 1

После окончания блокады, а потом и войны, еще очень долго было голодно, и болезненно худая Рита не могла думать ни о чем другом, кроме еды. Ей было абсолютно все равно, как она одета, да и во что одеваться?

У девушки остался один порванный растянутый свитер, длинная мамина шерстяная юбка почти до пят и бабушкино серое пальто «прощай, молодость», а обуви так и вовсе не было — Рита ходила в чьих-то тапках, которые нашла в коммуналке, где они жили с бабушкой. Пальто «прощай молодость» было куплено за год до войны, и бабушка тогда сказала:

— Вот теперь, Риточка, моя молодость точно кончилась, раз я себе старушечье пальто купила. Эх, прощай, молодость, — с грустью проговорила тогда бабушка.

А за серым пальто так и закрепилось это название — «прощай, молодость»!

А вообще, Ритина бабушка Марта Александровна была модницей хоть куда, и купить тогда она себе хотела совсем другое пальто — желтого цвета, приталенное, с английским воротником и с перламутровыми пуговицами в два ряда. Но денег хватило только на серое «прощай, молодость». А была бабушка еще совсем не старая женщина, всего-то пятьдесят пять лет.

Так получилось, что ее муж, Ритин дедушка, погиб на стройке, он был прорабом. Что-то там сорвалось, слетело — и дедушки не стало. А буквально через несколько дней от сердечного приступа умер и Ритин папа. Женщины остались одни. Денег стало катастрофически не хватать, и, конечно, пришлось забыть о новых шляпках, сумочках и туфельках. Нужно было думать о том, как прокормиться на мизерные зарплаты архивариусов. И мама, и бабушка работали в Русском музее.

В блокаду умерла мама Риты, а Марта Александровна выжила, но была очень слаба, болела, из квартиры не выходила, почти все время лежала на бог знает как уцелевшем диване. Еще в комнате был большой ящик, его Рита притащила уже после блокады, он служил столом, и два ящика поменьше использовали в качестве стульев.

Рита спала на полу на матрасе. Тоже непонятно, как он уцелел, ведь все сожгли.

Рите так же было наплевать и на свой внешний вид, как и на то, что ее вообще никто не замечал, хотя девушка была довольно привлекательна и даже красива, особенно если приложить руку к этой красоте и поухаживать за ней.

Она работала в Русском музее, взяли ее, памятуя заслуги мамы и бабушки, только техничкой, до архивариуса не удалось доучиться — война…

Бабушка, поднявшись на локте, иногда разговаривала с Ритой вечерами, и каждая такая беседа заканчивалась сло-

вами:

— Эх, Ритка, мне хоть было с чем попрощаться, а у тебя молодость даже и не наступала. Что ты видела? Голод, холод, бомбежку, артобстрел! А как мы гуляли, когда молодые были! Песни пели, танцевали, маевки устраивали. Эх, горе горькое. Твоя молодость — это вечное «что поесть». А за мной еще и мужчины ухаживали, даже когда я стала вдовой. Помню был один… эх… ладно! Не вернуть уж.

Это была чистая правда. Денег платили совсем мало, их едва хватало, чтобы не умереть с голоду.

Бабушка Марта все время говорила:

— А ты вспоминай, как было в войну. Иной раз и неделю ничего в рот не попадало, а сейчас хлеб каждый день едим. Счастье!

Но молодой Ритин организм требовал не только хлеба: хотелось наваристого супа, макарон, сочной котлеты, сахара, шоколада. Да где же такие богатства взять?!

Путь на работу пролегал мимо магазинчиков, в которые заходили и выходили из них хорошо, красиво одетые дамы. Рита всегда задавалась вопросом: «Как же так? У меня растянутый свитер и тужурка «прощай молодость», а у других красивые кашемировые пальто, лаковые ботинки и кожаные сумки». Но даже не это заботило Риту. Она, вечно голодная, все время думала, как же они покупают эти невиданные продукты, которые продавались в магазине?

— Как, Ритка?! Вот так! Это мы с тобой немощные, за-

работать не можем, а люди, слава Богу, в себя приходят. Работают, покупают. Хорошо это! Война кончилась, мирная жизнь должна быль красивой и сытой, — так говорила бабушка.

— Бабуля, а нам? Нам будет когда-нибудь красиво и сытно?

— Конечно, будет! Обязательно будет.

Сказав так, Марта Александровна переводила разговор на какую-то другую тему, потому что сама очень хорошо понимала — красоте и сытости взяться в их жизни неоткуда: зарплата у Ритки мизерная, пенсия у самой еще меньше, а продукты дорогие. А вещи? А на кой они? Проку от них? Но время от времени Марта Александровна вспоминала то желтое пальто с перламутровыми пуговицами. Почему оно ей так запало в душу? Видимо, потому что действительно произошло прощание с молодостью. Навечно…

…Однажды Рита уже закончила работу и спешила домой: бабушка совсем не спала ночью и все повторяла:

— Хоть бы до пенсии не умереть, не дадут тебе, если помру! Так ты не говори, что померла я. Почтальонка придет, ты ей скажи, сплю я, а сама получи. Ну а потом уж не знаю, как ты будешь, Рита… совсем одна…

— Бабушка, прошу тебя! — плакала и умоляла Рита. — Не надо так говорить. Все будет хорошо. Тебе завтра лучше станет. Вот увидишь!

Часть 2

Рита вышла в огромное фойе музея, нервно повторяя про себя: «Только бы была жива, только бы жива».

Девушка так была занята своими мыслями, что не заметила пожилого человека и налетела на него.

Он снял очки, внимательно глянув на Риту, тут же надел их снова. Его мелко затрясло, и он промолвил:

— Я понял бы, если сейчас был тысяча девятьсот десятый, но на дворе сорок девятый.

— Простите? — не поняла Рита.

— Это вы меня простите, милая девушка, и позвольте узнать, как зовут такую красавицу?

Рите показалось, что мужчина как-то весь напрягся, но, когда она назвала свое имя, вроде расслабился.

— Очень приятно! А меня зовут Тимофей Ильич. Я реставратор.

— Точно, — вспомнила Рита, — я вас видела на прошлой неделе.

— Что вы говорите? А я вас нет! Как же я вас пропустил? Вот незадача. Целую неделю потеряли.

Рита удивленно посмотрела на Тимофея Ильича:

— Как потеряли? Не поняла?

— Могли бы уже общаться целых семь дней.

— Вы думаете?

— Конечно! Вот, например, сейчас вы куда спешите?

— Домой, мне срочно нужно домой. Меня ждут.

— Давайте я вас провожу. Где вы живете?

— На Некрасова.

— Так совсем недалеко. Идемте. А заодно зайдем в магазин. Вы же любите конфеты?

— Ничего не нужно! — перепугалась Рита.

— А я люблю угощать таких молодых и красивых девушек. — Тимофей Ильич и слушать ничего не хотел — чуть ли не силой затащил Риту в лавку и накупил сладостей. Мужчина понимал, что девушка нуждается совсем в другой еде, но он так же хорошо понимал, что сладости она еще примет в качестве подарка, а вот мясо или курицу — это вряд ли.

«Не все сразу», — успокоил сам себя Тимофей Ильич.

Девушка была безумно похожа, ну просто одно лицо, на его первую любовь. Он не решился тогда признаться, девушка вышла замуж, ее след в большом городе затерялся, и вот она будто появилась из прошлого. Те же огромные серые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, те же длинные волосы, которые, видимо, были очень шелковистыми и нежными, если бы не голод, та же хрупкая фигура. И родинка… родинка… в форме сердечка. Там же, на шее, чуть ниже правого ушка.

Рита забежала домой и, увидев, что с бабушкой все в порядке, радостно крикнула:

— Смотри, сколько я всего принесла! Сейчас чай будем

пить!

Рита вывалила конфеты, печенье, шоколадки на ящик, ее глаза лихорадочно блестели:

— Вот, бабуля, гляди! Гляди! Когда мы с тобой ели такое последний раз? Я сейчас кашу сварю, там риса немного осталось, поедим, а потом чай будем пить. Экономить не будем! Много съедим. Все съедим.

Рита говорила без умолку, а Марта Александровна приподнялась на локте и с удивлением смотрела на это богатство.

— Риточка, откуда?

Рита хотела было рассказать бабушке про Тимофея Ильича, но вдруг ей пришла в голову мысль, что Марта Александровна будет недовольна. Рита и сама понимала, что поступила не очень хорошо: приняла от совершенно незнакомого человека такой дорогой дефицитный подарок. Можно сказать, царский.

— Бабуль, все нормально. Не украла, — и Рита громко наигранно рассмеялась, — не спрашивай, это хорошие конфеты… хорошие, бабуль.

Потом ели горячую кашу вприкусу с конфетами, жмурились от удовольствия. И долго пили чай. Бабушка послушалась Риту и не стала настаивать на том, чтобы экономить сладости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.